

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНАЯ АНТИУТОПИЯ В ДРАМЕ ФАЛЬКА РИХТЕРА «В ЧРЕЗВЫЧАЙНОМ ПОЛОЖЕНИИ»

Лисенко А.Р.

*ФГАОУ ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д.18*

e-mail: anzhela.amirova@gmail.com

поступила в редакцию 15 ноября 2017 года

Аннотация

В статье рассматривается пьеса Фалька Рихтера «В чрезвычайном положении» в контексте немецкоязычной антиутопической литературы начала XXI века. Постиндустриальное общество, называемое также обществом потребления, выдвинуло новые требования к человеку. Большой поток информации, научные изобретения, процессы глобализации изменили место человека в мире, выдвинув на первое место проблему поиска себя и кризис самоидентификации. Современные авторы вновь обращаются к жанру антиутопии. Предлагаемый анализ пьесы Рихтера выделяет черты антиутопии в произведении: изображение общества, ограничивающего свободу личности, конфликт между личностью и социальной средой, неблагоприятный прогноз на будущее. Важной в пьесе является тема страха.

Ключевые слова: *антиутопия, современная немецкая драматургия, постиндустриальное общество, Фальк Рихтер, кризис самоидентификации, тема страха.*

Введение. Рубеж XX-XXI вв. исследователи разных областей науки связывают с таким явлением, как глобализация, а современное общество называют постиндустриальным, обществом потребления, живущим под влиянием массовой культуры. Невероятные научные открытия, две мировые войны, холокост, тоталитарные режимы, холодная война и разделение мира на два противоборствующих лагеря, железный занавес и его снятие, многочисленные террористические атаки – все эти события и явления XX века привели к тому, что человек на рубеже нового тысячелетия потерял опору в жизни. Постмодернистское переосмысление культуры привело к кризису идентичности. Человек потерял самого себя, ценностные ориентиры. То, что раньше было простым и однозначным, стало в начале нового века необычайно сложным. Открываются новые исторические факты, но их достоверность вызывает сомнение. Научные изобретения всегда двойственны и имеют как положительные, так и отрицательные последствия. Перед современным человеком, на первый взгляд, открыты разнообразные пути, но фактически он оказывается зависим от многих внешних факторов. Свобода выбора оборачивается мукой, доступ ко всему миру ограничивается интернетом, а личное общение заменяется гаджетами.

В таких условиях не случайным является обращение современных авторов к популярному в первой половине XX века жанру антиутопии. Е.Ю.Селиванова, изучая антиутопический роман в немецкоязычной литературе рубежа XX-XXI вв. говорит о новой волне развития этого жанра сегодня в Германии, Австрии и Швейцарии. «Усиливающееся в конце XX века сомнение в правильности выбранного пути развития цивилизации, – пишет исследовательница, – нередко воплощается и в литературных произведениях, в частности, в виде негативных прогнозов, представленных в антиутопиях» [1].

В настоящей статье мы обратимся к пьесе немецкого драматурга Фалька Рихтера «В чрезвычайном положении» (“Im Ausnahmezustand”, 2007). В пьесе, описывающей жизнь современной семьи, частично имеются черты антиутопии, которые Е.Ю. Селиванова обозначает следующим образом: прогнозирование нежелательного будущего, пафос предостережения, изображение тоталитарной модели государства и конфликт между личностью и социальной средой [1].

Основная часть. Пьеса Ф.Рихтера «В чрезвычайном положении» представляет собой одну сцену, в которой задействовано три персонажа: Муж, Жена и Мальчик. Уже в списке действующих лиц мы наблюдаем обезличивание героев, что символично ввиду происходящих в пьесе событий. Вышеназванные персонажи представляют собой семью, живущую в элитном поселке “Celebration Community”, отделенном от остального мира высокой стеной. На охраняемой территории имеется все, что нужно для комфортной жизни: школа для детей, разнообразные варианты проведения досуга, парк, озеро, собственный аэродром. Здесь мечтают жить, сюда стремятся те, кто находится за стеной. Пьеса открывается диалогом между Мужем и Женой, в котором жена проявляет обеспокоенность здоровьем и психологическим состоянием своего мужа. Однако уже спустя несколько реплик ситуация выходит за грани реальности. Читатель / зритель становится свидетелем то ли сна героев, то ли антиутопической драмы.

Беспокойство, проявляемое Женой в начале пьесы, усиливается внешними звуками: за сценой периодически слышны выстрелы, которые заглушаются шумом волн. При этом понятно, что действие происходит не на берегу моря. Сами персонажи неоднократно повторяют, что шум волн «включают». Постепенно беспокойство перерастает в страх: героиня боится потерять дом и быть изгнанной из поселка, что может произойти, если ее муж перестанет показывать высокие результаты на работе. Страх нарастает на протяжении пьесы. Он подчеркивается содержанием реплик Жены, многочисленными повторами коротких фраз. Она неоднократно повторяет, что боится. На синтаксическом уровне усиление страха проявляется в обрыве предложений, их незавершенности, использовании многоточий. Визуально автор пьесы выделяет некоторые слова и выражения написанием заглавными буквами. Эмоциональное напряжение нарастает с развитием драмы.

Проблемы современного общества принимают в пьесе гиперболизированную форму, в результате создается антиутопическая картина. Поселок оказывается не просто местом жительства этих людей. Они здесь работают, учатся, отдыхают, занимаются спортом. У них нет необходимости покидать его, но также нет и возможности: территория огорожена стеной, находящейся под электрическим напряжением. А мир за стеной является, по мнению жителей поселка, чрезвычайно опасным. Постепенно возникают все новые подтверждения тому, что поселок является скорее тюрьмой, куда по собственной воле стремятся попасть люди. Легко провести параллель с Единым государством, созданным Е.Замятым. Стена вокруг “Celebration Community” напоминает нам «Зеленую стену», отделяющую город в романе «Мы» от живой природы. Правда, в пьесе Ф.Рихтера стена отделяет поселок от остального мира, но природа в нем искусственна: жители слушают шум волн, но не могут поехать на настоящее море в силу занятости, в перспективе им обещают устроить собственное море и вечное лето. Как и в романе Замятина, у героев пьесы «В чрезвычайном положении» нет имен, они всего лишь Муж, Жена и Мальчик. Персонажи упоминают имена других людей, живущих с ними, но не могут вспомнить их лица или другие отличительные черты. Повторяется и ситуация «прозрачности» личной жизни. Если в романе «Мы» жизнь проходит в стеклянных стенах, то за жителями элитного поселка установлена постоянная слежка посредством охранных камер видеонаблюдения. Личная жизнь, осуществлявшаяся героями Замятина с помощью «розовых билетов», в пьесе тоже основана на договоре: Муж и Жена договорились, что раз в две недели будут исполнять свой супружеский долг. Их отношения строятся не на чувствах, а на разуме и практической пользе. Кроме того, по аналогии с классическими антиутопическими романами, в пьесе имеется некая внешняя сила, осуществляющая контроль над происходящим. Персонажи говорят об этой силе в третьем лице, используя местоимения *они*, *все*. На протяжении всей пьесы некие «они» называются в репликах. Помимо этого, в связи с «ними» используются конструкции, выражающие долженствование и принуждение, такие, как *должен*, *обязан*, *не предусмотрено* и т.д.

Конфликт между Мужем и Женой возникает в результате того, что показатели Мужа на работе ухудшаются, что может привести его к потере места, а это, в свою очередь, обернется выселением из поселка. Жена не представляет себе жизнь за пределами “Celebration

Community” и всеми силами старается вернуть Мужа в прежнее состояние. Однако Муж не разделяет ее восторга в связи с жизнью на этой закрытой территории, так же, как и не боится лишиться дома. Он вообще предстает довольно апатичным. Единственное его желание на протяжении пьесы – поспать, лишь однажды оно выливается в эмоциональный возглас с просьбой оставить его в покое [2]. Казалось бы, ситуация типична для современного общества, когда личные отношения подменяются внешним благополучием. Семья существует только на словах, на деле же между мужем и женой, а также между ними и их сыном нет взаимопонимания. Их диалоги построены в форме коротких, мало значащих фраз, ответы на вопросы не даются, упреки сменяются ответными обвинениями. Налицо кризис семьи, о котором сегодня говорят социологи.

Муж, Жена и Мальчик находятся в сложном эмоциональном состоянии: все трое на грани психоза, а возможно, уже переступили эту грань. И это тоже является одной из проблем постиндустриального общества: не выдерживая давления, оказываемого информационным потоком, не соответствуя все увеличивающимся требованиям, предъявляемым общественными институтами, люди страдают депрессиями и другими психическими нарушениями. Исследователи отмечают, что прагматизм и утилитаризм массовой культуры «являются первичными факторами таких деструктивных явлений, как кризис идентичности, отчужденность и агрессия» [3].

Жена ждет от Мужа, что он снова станет полноценным членом общины, в которой они живут. В пьесе представлен образ идеального современного человека. Это улыбающийся, спортивный, активный молодой человек, хороший семьянин, успешный сотрудник компании, интересный коллегам, приятный во всех отношениях. Тот образ, который мы ежедневно наблюдаем на экранах телевидения, в рекламе и кинофильмах. Но соответствовать такому идеалу – сложная задача. Постоянное напряжение, в котором приходится находиться человеку, чтобы оправдать ожидания, приводит к стрессам и болезням. Жена упрекает Мужа в том, что он стал хуже работать, приводит в качестве доказательств цифры: «Ты опускаешься, скоро... скоро тебя вообще не будет, цифры... говорят против тебя... ты больше не убеждаешь своих клиентов, потому что... что это такое? Что происходит? <...> Ты перестал шутить. <...> но... почему ты перестал? Почему больше не делаешь этого?» [2]. Муж чувствует себя виноватым, но в то же время осознает, что не хочет больше так жить. Если для Жены нахождение в поселке – это то, к чему она стремилась и что она не хочет терять, то для Мужа здесь уже давно нет ничего привлекательного. «Радости» постиндустриального общества на деле оборачиваются скукой и однообразием, вся жизнь подчинена рутине и работе, ведь чтобы оставаться в “Celebration Community”, нужно много работать. «Мы почти никого здесь не знаем, - говорит Муж. – Мы встаем утром, когда еще темно, идем на работу. Когда мы возвращаемся, солнце уже давно зашло<...>мы почти никого не знаем, мы почти не разговариваем с ними <...> Как зовут наших соседей? Как их зовут? Скажи-ка мне, ну, скажи, КАК ИХ ЗОВУТ? Здесь, в нашей CELEBRATION COMMUNITY, что мы, собственно говоря, празднуем, я больше не понимаю?» [2].

Страх героев связан с тем, что жизнь за пределами поселка давно перестала быть, по их меркам, нормальной. Реальный мир за стеной – это сумасшедшие бездомные старики, жестокость, насилие, голод. То, чего, по сути, боится каждый из нас. Для Жены решение проблемы заключается в возможности оградиться от несовершенства общества высоким забором. Однако забор ее не спасает, страх не исчезает, а, наоборот, усиливается, поскольку люди «с той стороны» стремятся попасть внутрь, а, следовательно, претендуют на ее место. На протяжении всей пьесы герои слышат выстрелы, которые то ли действительно звучат в поселке или за его стеной, то ли являются плодом большой фантазии персонажей. Выстрелы символизируют угрозу для тех, кто живет в поселке, а также насилие, с помощью которого создается этот удобный и безопасный быт в “Celebration Community”. То описание жизнеустройства, которое дается в пьесе, напоминает нам технотронный тоталитаризм, воссозданный в антиутопических романах XX века, таких, как, например, «Игрек Минус» Г.В.Франке(1976) и «Киоск» Г.Бёша (1978). Только если в этих романах речь шла об

установлении диктатуры машины, то в пьесе Ф.Рихтера устанавливается диктатура «идеальной» жизни, безопасной, легкой, позитивной, обеспеченной теми же машинами. Причем обеспечение такой жизни ведется довольно жестокими способами: в поселок сложно попасть, но также сложно из него выбраться, за людьми установлено наблюдение, а нарушение установленных правил карается.

Достижения научного прогресса, которые используются героями для улучшения внешних условий жизни, обеспечивают им состояние своего рода тюремного заключения, ограничение духовной жизни, межличностных отношений и даже разрушение собственной личности. Не случайно лейтмотивом через всю пьесу проходит тема сна. Герои не могут уснуть, затем внезапно погружаются в сон, описывают свои сны, а также боятся, что пока они спят, в поселке происходит что-то ужасное. Персонажи словно уже не могут жить в реальности, их существование под угрозой.

Состояние стресса, в котором находятся герои, приводит к тому, что они сомневаются не только в себе, но и в своих близких. Жена не уверена, что перед ней действительно ее муж, а Мальчик утверждает, что с ним в доме живет не его отец. Чтобы избавиться от страхов, Жена начинает следить за своими близкими: она читает переписку сына, прячется под его кроватью, чтобы узнать, что он делает, она также следит и за своим мужем, объясняя это любовью. При этом Жена осуществляет слежку за родными не столько для того, чтобы понять, что с ними происходит, сколько для того, чтобы передать полученную информацию им: «... они меня об этом попросили <...> Они же тебя любят, мы все тебя любим» [2]. Таким образом, вновь создается антиутопическая картина: некие *они* следят за всем, что происходит на подвластной им территории.

Важным в контексте антиутопии является еще один страх, присущий Жене – это страх старости. В своих репликах она неоднократно говорит об этом. Так, за пределами поселка ее пугают «сумасшедшие старики, которые спрашивают, как им пройти домой, потому что потеряли ориентацию» [2]. Жена боится постареть. Она утверждает, что после сорока лет не будет никому нужна, называет свое тело «чертовым контейнером» [2]. Такой страх свойственен многим представителям современного информационного общества, в котором ценятся молодость и красота, успех и активность. Не случайно проводится большое количество научных разработок, направленных на продление молодости. Эта тема нашла отражение и в немецкой антиутопии. Так, Е.Ю.Селиванова в уже упомянутом нами исследовании выделяет в отдельную группу романы, основной темой которых является «диктатура здоровья» [1].

Усиление ситуации антиутопии происходит в пьесе по мере развития сюжета. Диалог Мужа и Жены развивается словно по спирали: упреки, выстрелы, погружение в сон, упоминание о сыне, затем эмоциональное напряжение усиливается, но диалог ведется по той же схеме. С появлением Мальчика, вторым объектом беспокойства Жены, связана кульминация пьесы и последующая развязка: разрешение основного конфликта драмы – конфликта личности и общества, угнетающего эту личность. Именно Мальчик выражает активный протест против не устраивающей его жизни в поселке. Он здесь родился, он никогда не видел иной жизни, у него нет права выхода за территорию. Но он, как и другие дети, понимает бесперспективность подобного существования. Вся его жизнь проходит в подчинении другим, его лишают малейшей свободы. У Мальчика есть тренер-координатор, контролирующий его действия, он вынужден постоянно проходить разного рода тесты, чтобы можно было понять, что с ним происходит и о чем он думает, его компьютер проверяется, записи просматриваются, даже собственная мать следит за ним, прячась у него под кроватью. Вероятно, в такой же атмосфере живут и остальные дети в “Celebration Community”. То есть тотальный контроль, которому еще не подвержены в полной мере взрослые, осуществляется над их детьми. Но именно дети первыми начинают покидать поселок. Не имея право делать это, они взламывают компьютерные программы, меняют видеофайлы, открывают двери тем, кто находится по ту сторону ворот. Возможно, за это они платят своей жизнью: утром дети исчезают, а у забора

валяются трупы, лица которых невозможно опознать. Тем не менее, никто не знает точно, что происходит с детьми. И остается надежда на то, что им удастся освободиться.

Мальчик покидает своих родителей и окруженный высоким забором поселок. Он понимает, что «здесь... ничего, ничего нет» [2]. Он хочет выйти хотя бы на секунду, «послушать волны. Как они разбиваются, этот звук, оттенки цвета вечернего солнца. Шумы. Свет на другой стороне озера» [2]. После его ухода родители слышат выстрелы, заглушаемые шумом волн. Вероятно, Мальчику так и не удалось выйти на свободу. Но он, по крайней мере, предпринял попытку. Примечательно, что родителей совсем не беспокоит его возможная смерть. Мать продолжает думать лишь о том, сможет ли она сама остаться в поселке. Таким образом, конфликт в пьесе разрешается традиционно для антиутопической литературы: свобода не обретаема, мысли и чувства персонажей остались в том же зависимом от тоталитарного режима положении. Однако появляется надежда на спасение, поскольку нет подтверждений гибели Мальчика. Спасение связано, прежде всего, с молодым поколением, которое сможет преодолеть тотальную власть видимого успеха и внешнего благополучия.

Заключение. Тенденция, изображенная Фальком Рихтером в пьесе «В чрезвычайном положении», весьма актуальна в современном обществе. Стремясь к успеху, люди погружаются в бесконечную гонку, забывая, для чего, собственно говоря, она была устроена. Процесс становится важнее цели. Фактор внешнего благополучия оказывает влияние на внутреннюю жизнь индивидуума. Зачастую человек теряет самого себя, что приводит к внутреннему конфликту. Однако основной конфликт пьесы Ф.Рихтера не внутренний. Это конфликт человека и общества, свойственный антиутопической литературе. В пьесе были обнаружены такие черты антиутопии, как прогнозирование нежелательного будущего, конфликт между личностью и средой, изображение тоталитарной власти потребления в индустриальном обществе. Кроме того, автор изображает жизнь персонажей в свойственной антиутопии манере: у героев нет имен, они живут в ограниченном, искусственно созданном пространстве, они практически лишены чувств и не способны управлять своей жизнью, поскольку за них это делает некая внешняя сила. Надежда на избавление от деспотичной власти потребления видится в новом поколении, способном преодолеть зависимость от внешних признаков благополучия.

Список литературы

- 1) Селиванова Е.Ю. Антиутопический роман в немецкой литературе конца XX-начала XXIвв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2013. 21 с.
- 2) Рихтер Ф. В чрезвычайном положении. // ШАГ 4: Новая немецкоязычная драматургия. На русском языке. М.: Немецкий культурный центр им. Гете; ОГИ, 2011. С.247-290.
- 3) Вялова Е.Г., Копылова С.В., Куняшова Е.В. Проблемы человека в контексте массовой культуры: кризис идентичности, отчужденность, агрессия. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч.1. С.51-55.